

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Университетская автономія и чиновническій произволъ. — 2) Нѣмецкій ученый 30-хъ годовъ о тогдашней Толстовщинѣ. — 3) Къ университетскому вопросу (письма въ редакцію «Вольнаго Слова»): I. Опрсовъ и студенческія волненія въ Казани. II. Университетскіе урядники. — 4) О письмѣ гг. Михайловскаго и Шелгунова. — 5) Замѣчательный побѣтъ. — 6) Земскіе проекты. III. Елизаветградская записка о препятствіяхъ къ дѣятельности земствъ. — 7) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. IV. З. С. — 8) Польскій проектъ всероссійской политической реформы. X. С. — а. — 9) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». I. Иркутское письмо М. А. Бакуну на къ А. И. Герцену. (Окончаніе). — 10) Рабочій день и фабричное законодательство. (Продолженіе). В. Г. — 11) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VI. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева. — 12) Извѣстія и замѣтки: Святосъ семьи въ Россіи. — Хотя бы грамотѣ выучились. — Гг. Побѣдоносцевъ и Герогины. — Комиссія тайныхъ совѣтниковъ и семинаристовъ. — Работа Тверскаго земства и проектъ гг. Кадѣбу. — Вымышленная прокламація.

Жебунева, 15 февраля 1883.

Читатели найдутъ далѣе нѣсколько занозъ, дамы, но все же характерныя свѣдѣнія о причинахъ волненій въ казанскомъ университетѣ, а также письмо объ университетской инспекціи въ Харьковѣ, которую наши корреспонденты совершенно вѣрно приравниваютъ къ урядникамъ. Свѣдѣнія эти, полагаемъ, прибавляютъ новыя данныя къ вопросу, о которомъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ заставляли насъ говорить нѣсколько разъ и о которомъ, впрочемъ, мы все избѣгали говорить подробно, думая, что въ Россіи онъ неразрѣшимъ безъ рѣшенія болѣе широкаго вопроса: объ общей политической свободѣ. Но вопросъ этотъ стоитъ на лицѣ между прочимъ и въ видѣ устава университетовъ, который теперь внесенъ въ государственный совѣтъ, и требуетъ, чтобы о немъ высказались всѣ отъѣлки общественнаго мнѣнія съ извѣстной полнотою. Послѣднее необходимо между прочимъ и потому, что объ этомъ университетскомъ вопросѣ существуетъ до того неясное представленіе и въ самомъ обществѣ, что среди него даже элементы далеко не реакціонные готовы сойтись, хоть по нѣкоторымъ пунктамъ вопроса, съ завѣдомо реакціоннымъ правительствомъ.

Мы уже мимоходомъ замѣтили это, указывая на неудовольствіе, выразившееся въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ противъ университетской автономіи, по уставу 1863 г., которая-де являлась автономіей профессоромъ

гешефтмахеровъ. Неудовольствіе это было бы совершенно законно, если бы оно не сопровождалось отрицаніемъ принципа корпоративной автономіи вообще и удовольствіемъ при ожиданіи устава, который окончательно отдастъ наши университеты въ руки министерства и его агентовъ.

Прежде всего совершенно напрасно бы кто считалъ, что уставъ 1863 г. вводилъ въ Россію полную автономію университетовъ, — а не одно только нѣкоторое административное самоуправленіе старшихъ по службѣ профессоромъ (ординарныхъ и экстраординарныхъ) при постоянномъ однако же контролѣ и вмѣшательствѣ попечителей и министра. Уставъ этотъ, во первыхъ, поставилъ въ совершенно безправное положеніе доцентомъ, — за тѣмъ не только не обезвѣчилъ корпоративной организаціи студентовъ, но разбилъ даже ту, которая фактически уже выработалась жизнью въ 1857—1862 гг. и которая въ нѣкоторыхъ университетахъ (напр., въ Кіевѣ, благодаря управленію Пирогова) достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уставъ этотъ, наконецъ, не давалъ главной изъ академическихъ свободъ: свободы науки *). При-

*) Вотъ какъ опредѣляли мы въ одной изъ нашихъ брошюръ, писанной еще во времена Л. Мелковскихъ вѣяній, — когда, послѣ отставки гр. Толстого многіе увлекались иллюзіями о наступленіи мира въ нашихъ высшихъ школахъ, — три круга академическихъ свободъ, существующихъ въ цивилизованныхъ странахъ:

«Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на Западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложенію. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи. Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ самоуправленіи, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которыя, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства, — науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ, наука требуетъ, для успешности своего производства, свободы мысли, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профес-

сомъ нѣкоторая автономія профессорской аристократіи, будучи открыта для административныхъ вліяній, не была поставлена подъ контроль общественнаго мнѣнія свободной печати, а тѣмъ болѣе областнаго представительства. Только въ томъ случаѣ, если бы испробована была такая полная автономія, какаю сейчасъ нами намѣчена, можно бы было рѣшать, годенъ ли негоденъ для нашихъ высшихъ школъ принципъ автономіи.

Совершенно напрасно записываютъ на счетъ автономіи университетовъ и равнодушіе къ наукѣ и гешефтмахерство многихъ изъ профессоромъ. Что въ общемъ теперь научный уровень нашего профессорства повысился противъ прежняго, — это, казалось бы, не требуетъ и доказательствъ. Теперь во всякомъ случаѣ каждый, самый лѣнивый факультетъ можетъ указать на томы сочиненій своихъ членовъ, которыя не безызвѣстны и за границей, тогда какъ двадцать-тридцать лѣтъ назадъ даже сочиненія тогдашнихъ университетскихъ знаменитостей были по большей части компиляціей заграничныхъ книжекъ. Мы справедливо возмущаемся, видя профессоромъ редакторами офиціозныхъ газетъ (Кіевлиннѣ, Волжско-Камскій Вѣстникъ) или деректорами грюндерскихъ банковъ, — попомнимъ, что въ Николеевскія времена профессора заурядъ бывали цензорами (одни изъ видовъ заплочнаго мастерства), держали богатыхъ пансіонеровъ, которыхъ проводили въ студенты и кандидаты, при- нуждали студентовъ брать у нихъ уроки передъ экзаменами и брали за это плату даже серебряными ложками. Наконецъ, если уни-

сора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессоромъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая, для успешности своего процесса, тоже свободнаго обмена мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта свобода слова должна существовать для каѣдры, для научныхъ собраній профессоромъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати. Наконецъ, постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами (порознь и вмѣстѣ), цѣлый рядъ личныя связи, которая тоже естественно влекутъ ихъ къ совмѣстному удовлетворенію чисто личныя потребности: совмѣстнаго преподаванія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто товарищескихъ учрежденіяхъ, каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы».

ице въ земствѣ и повидимому должествующе знать потребности населенія, въ дѣйствительности ихъ вовсе не знаютъ. Для устранения этого необходимо избирать гласныхъ не на сѣздахъ, а по волостямъ и, кромѣ этого, сельскимъ обществамъ должно быть предоставлено право давать своимъ выборнымъ инструкціи или указанія, для чего и должно быть допущено, при выборахъ гласныхъ, обсужденіе вопросовъ, предстоящихъ рѣшенію земскихъ собраний. Наконецъ, нужно рассмотреть, въ какое отношеніе было поставлено земство къ правительственной власти и пользовалось ли ея довѣріемъ. Самый лучший въ этомъ отношеніи отвѣтъ могутъ дать различныя дополнительныя законоположенія, изданныя уже послѣ введенія земскихъ учреждений. Мы постараемся ихъ перечислить, по крайней мѣрѣ выдающіеся изъ нихъ.

Законъ 21 ноября 1867 года, ограничивающій право земства облагать сборами торговли и промышленныя заведенія. На сколько этотъ законъ вреденъ для земства, въ смыслѣ заботы его о пользахъ населенія, лучше всего характеризуетъ та неравномерность обложенія, которая существуетъ между торговлей и сельскимъ населеніемъ. Что касается до справедливости изданія этого закона, то она лучше всего видна изъ доклада Петербургской земской управы, 3 января 1867 года. Управа говоритъ между прочимъ, что, издавая такой законъ, правительство выслушало одностороннее мнѣніе высшей администраціи. Потому, что не могло быть причины къ ограниченію земскихъ правъ въ дѣлѣ обложенія и торговли, такъ какъ на несправедливость земскихъ въ этомъ отношеніи раскладокъ, жалобъ не поступало. § 11 этого закона предписываетъ при обложеніи торговли и промышленности земскими сборами ставить въ основаніе только цѣнность помѣщенія, не касаясь цѣнности и доходности самого промысла; параграфъ этотъ совершенно противорѣчитъ 9 и 10 статьямъ временныхъ правилъ о земскихъ учрежденіяхъ. Далѣе докладъ управы говоритъ, что ставить торговлю и промышленность въ исключительныя условія — далеко несправедливо, — что сельская земельная промышленность находится вездѣ въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ торговля, — что, благодаря этому закону, все земскія тяжесты въ отношеніи налоговъ по необходимости должны были упасть на одно сельское населеніе, что совершенно несправедливо. Сельское населеніе и безъ того уже несетъ слишкомъ много тягостей. Выслушавъ докладъ управы и всесторонне обсудивъ дѣло, собраніе постановило: войти съ ходатайствомъ къ правительству объ отмѣнѣ закона 21 ноября 1866 года. Постановляя о подачѣ ходатайства, докладъ между прочимъ говорилъ, что до настоящаго времени на ходатайства земства не обращается никакого вниманія, что они задерживаются и остаются безъ всякихъ разрѣшеній и отвѣтовъ по единоличной власти министра, потому докладъ полагалъ необходимымъ для успѣховъ земства представить въ сенатъ жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ. Результатомъ всего этого было, какъ извѣстно, временное закрытіе земскихъ учреждений въ Петербургской губерніи.

Статья 43 пол. о зем. учред. говоритъ

объ обязательномъ предсѣдательствѣ въ земскихъ собраніяхъ предводители дворянства. Къ дополненію этой статьи 13 іюля 1867 года, была издана инструкція, по которой предсѣдателямъ уже предоставлялось право: лишать гласныхъ слова и права голоса, не допускать къ обсужденію въ собраніи вопросовъ, которые онъ найдетъ по своему усмотрѣнію по чему либо несогласнымъ съ законами и, наконецъ, даже право закрытія земскихъ собраний. Въ заключеніе этотъ законъ добавляетъ, что при незакрытіи собранія, въ которомъ были поставлены для обсужденія вопросы, несогласные съ законами, предсѣдатель подвергается наказанію по статьѣ 64 улож. о наказ. Какъ видите, права слишкомъ обширныя и неисполненіе ихъ винуительно наказывается. Принявъ же во вниманіе, что предсѣдатели не избираются земствомъ, а суть представители одного сословія; потому, какъ всякій человѣкъ, способный ошибаться, особенно при эластичности нѣкоторыхъ нашихъ законовъ, принявъ во вниманіе, что, наконецъ, нельзя уже совершенно отрицать возможности въ предсѣдателяхъ непріязни къ земству или преобладанія сословныхъ интересовъ, — будетъ совершенно ясно это ограниченіе земства и значеніе приведенной инструкціи. Практика земства, за 16 лѣтъ постоянно иллюстрированная злоупотребленіями предсѣдателей, также вполне ясно указываетъ значеніе этого закона для земства. Допустивъ даже предсѣдательство людей вполне образцовыхъ, и тутъ этотъ законъ можетъ выразиться въ стѣснительномъ смыслѣ для собранія. Гласные, боясь подвести уважаемаго предсѣдателя подъ наказаніе за незакрытіе собраний, по необходимости сдерживаются въ своихъ сужденіяхъ и предложеніяхъ, отчего земскія собранія терпятъ уже въ значительной степени свою гласность, отчего, разумѣется, и свободное обсужденіе дѣлъ невозможно.

8 октября 1868 года, по циркулилу министра, отчеты земскихъ управъ могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернаторовъ и въ определенномъ, ограниченномъ количествѣ. Что же касается опубликованія преній и сужденій въ земскихъ собраніяхъ, то такъ какъ, по закону, земствамъ не предоставлено права публиковать ихъ гдѣ либо, то и печатаніе ихъ можетъ быть допущено въ исключительныхъ только случаяхъ, въ видѣ изыятія и не иначе, какъ съ особаго дозволенія начальника губерніи. Если къ этому прибавить еще воспрещеніе взаимныхъ между земствами сношеній, то будетъ понятно, на сколько такое положеніе вредитъ успѣху земскаго дѣла.

30 Мая 1866 г. запрещено зем. собраніямъ выдавать гласнымъ пособия на поѣздки въ земскія собранія. Такое запрещеніе само собою стѣсняетъ выборъ и дозволяетъ сельскимъ обществамъ выбирать въ гласные только лицъ состоятельныхъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о законоположеніяхъ 4 іюня, 19 августа и 26 сентября 1879 года.

Закономъ 4 іюня дозволяется имѣть въ школахъ учителей не иначе, какъ съ дозволенія и одобренія учебнаго начальства, хотя бы эти учителя и имѣли уже законное право на преподаваніе въ школахъ.

Закономъ 19 августа дано право губернаторамъ удалять отъ исполненія служебныхъ обязанностей членовъ земскихъ управъ, выбранныхъ собраніемъ, въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ ихъ почему либо неблагонадежными *).

По закону 26 сентября губернаторы, представляя списки выборныхъ въ мировые суды лицъ, вмѣстѣ съ этимъ должны дѣлать свои замѣчанія о нравственныхъ качествахъ этихъ лицъ и ихъ благонадежности.

Не говоря уже о правѣ губернаторовъ въ отношеніи примѣненія административныхъ ссылокъ, неоднократно уже практиковавшихся въ земствѣ и имѣющихъ подавляющее значеніе на земскихъ дѣятелей, если прибавить къ этому законъ 1874 года о народныхъ школахъ и рядъ циркуляровъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, которыми роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія совершенно служена, то отвѣтъ на поставленный выше вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ земству будетъ вполне ясенъ.

Въ заключеніе докладъ говоритъ, что при настоящихъ условіяхъ земскія учрежденія не могутъ выполнять всѣхъ лежащихъ на нихъ обязанностей, а потому признаетъ нужнымъ ходатайствовать предъ правительствомъ о нѣжестѣдующемъ:

1) О реорганизаціи волостныхъ и сельскихъ управленій; при чемъ земскія учрежденія и управленія должны имѣть между собою органическую связь.

2) Объ измѣненіи порядка выбора гласныхъ.

3) О правѣ избирателей давать инструкціи и о разрѣшеніи на избирательныхъ сѣздахъ обсуждать тѣ вопросы, которые могутъ быть разсматриваемы въ земскихъ собраніяхъ.

4) Объ измѣненіи 43 ст. пол. о земскихъ учрежд. въ томъ смыслѣ, чтобы избраніе предсѣдателя было предоставлено самимъ собраніямъ.

5) Объ измѣненіи инструкцій 13 іюня 1867 г., при чемъ пункты 6, 7, 9 и 19 должны быть отняты и ответственность за нарушеніе закона возлагается на каждого лично.

6) Объ отмѣнѣ закона 21 ноября 1866 г.

7) Объ изыятіи всѣхъ земскихъ отчетовъ и докладовъ земскихъ управъ отъ предварительной цензуры и о разрѣшеніи повременнымъ изданіямъ печатать все пренія и постановленія земскихъ собраний безъ предварительнаго разрѣшенія губернаторовъ.

8) Объ отмѣнѣ узаконеній 4 іюня и 26 сентября 1879 года.

9) О разрѣшеніи земскимъ управамъ взаимныхъ между собою сношеній по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства.

10) Объ измѣненіи положенія 1874 г. о начальныхъ школахъ и о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ большей самостоятельности въ дѣлѣ народнаго образованія.

и 11) Объ отмѣнѣ права административной ссылки для всѣхъ членовъ земскихъ учреждений.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

IV.

Одной изъ существенныхъ несправедливостей самого Положенія 1864 г. было при-

*) 8 Іюля 1880 г. законъ этотъ, впрочемъ, отмененъ.

ложенное к нему росписание числа гласных от разных сословий. По этому росписанию самая крупная земская сила, крестьянство, оказалось обиженным в пользу сравнительно незначительного количества крупных землевладельцев. В пользу этого росписания, в принципе подрывающего основу равноправности, выставилось опасение, что представители крестьянских общин, не достаточно развитые для ведения земского дела, будут злоупотреблять своею численностию в ущерб другим общественным элементам. Вследствие такого и подобных соображений случилось следующее.

В восьми центральных губерниях личные собственники, представлявшие число 93.900 человек с земельной собственностью 119.880 кв. верст, имѣютъ 1.817 гласныхъ, тогда какъ крестьянское население, составляющее 5.800.000 с 181.440 кв., верстъ земли, имѣли всего 1597 человекъ представителей. Между темъ мотивы, которые вызвали такое распределение земского представительства, вытекли только изъ узкосословныхъ стремлений придворной аристократии изъ бюрократического незнакомства съ нашимъ действительнымъ крестьянствомъ и изъ совершенно книжныхъ чиновническихъ страховъ передъ чернью и недовѣрія къ пей. Дальнѣйшая практика земской дѣятельности вполне показала неосновательность подобныхъ опасеній. Крестьянство на первыхъ порахъ, собственно при выборахъ, если и попадало ложныхъ шаговъ, то скорѣе въ ущербъ себѣ, а ничуть не съ дѣлю эксплуатаци чужихъ интересовъ. Въ некоторыхъ случаяхъ оно, не зная существующихъ образомъ значенія земскихъ учреждений, круга ихъ дѣятельности, предполагая, что, какъ вездѣ, и тамъ придется не разсуждать о себѣ, а по привычкѣ отгрызаться, отдуваться своею шкурой, повибрало людей зубастыхъ, крѣпкихъ карманомъ, кулакомъ. Но это было только на первыхъ порахъ. Потомъ, когда крестьянство поняло суть дѣла, оно послало своихъ лучшихъ людей, «разумниковъ», «радетелей» мірскаго блага, не обращая уже вниманія на толщину кармановъ или другія подобнаго качества достоинства. Практика земства показала, что общинное представительство относилось вездѣ разсчитливѣе и экономнѣе къ земскимъ капиталамъ, какъ, впрочемъ, и быть должно: кто самъ бѣденъ, кто самъ испытываетъ лишения и нужду, у кого жизнь — непрерывный трудъ и разсчитливость, тотъ и съ вѣренными ему деньгами будетъ разсчитливъ и экономенъ. Что касается сословной розни и будто бы непремѣннаго озлобленія крестьянъ противъ высшихъ классовъ, то хотя такое предположеніе и имѣетъ свои основанія, но и оно рѣшительно противорѣчитъ русскому народному характеру. Нашему крестьянину некогда думать о мщеніи или о чемъ либо въ этомъ родѣ. Крестьянскіе гласные проявляли повсюду большую скромность и, когда дѣло шло объ экономіи, то начинали се прежде всего съ самихъ себя. Такъ, напр., на бугуминскомъ земскомъ собраніи крестьяне членамъ управы, выбраннымъ изъ ихъ среды, назначили жалованіе вдвое менѣе, чѣмъ такимъ же членамъ изъ дворянъ. Также точно крестьяне вовсе не старались замѣ-

щать должности членовъ управы непремѣнно лицами своего сословія. Крестьяне, напротивъ, всегда старались большинство на эти должности выбирать изъ болѣе образованныхъ людей, т. е. по необходимости изъ владѣльческихъ представителей; изъ 3-хъ членовъ они выбирали 2-хъ дворянъ и одного своего. Въ старо-русскомъ, напримѣръ, собраніи, хотя большинство гласныхъ были крестьяне, тѣмъ не менѣе на должность въ члены управы они старались выбирать дворянъ. Если дѣйствительно на первыхъ порахъ кой-гдѣ и являлись проблески сословной розни, то они исходили ни чуть не отъ крестьянъ, а скорѣе отъ дворянъ. Въ солигаличскомъ собраніи, при такомъ же преобладаніи крестьянъ, выбрали въ члены управы по необходимости однихъ купцовъ, но это произошло по слѣдующей причинѣ. При опредѣленіи оклада жалованія членамъ управы, дворяне требовали изъ назначенія большаго вознагражденія, между тѣмъ не-дворяне находили возможнымъ опредѣлить окладъ поменьше; дѣло подвергнуто было баллотировкѣ, но, такъ какъ дворянъ было всего семь представителей, а не-дворянъ десять, и слѣдовательно перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣднихъ, то и опредѣленъ былъ окладъ меньшій. Тогда гласные дворяне, оскорбленные неудачей своего предложенія, отказались баллотироваться въ члены управы, отчего по необходимости и были выбраны купцы. Или вотъ еще совершенно однородный фактъ въ макарьевскомъ уѣздномъ собраніи: тамъ баллотировались въ председатели управы предводители дворянства, но были забаллотированы; тогда остальные присутствующіе дворяне, уязвленные этимъ фактомъ, совершенно отказались отъ баллотировки. Вследствие этого собраніе принуждено было выбрать въ управу взаимно обязательныхъ 3-хъ членовъ только двухъ. Даже случившееся по мѣстамъ преобладаніе въ собраніяхъ гласныхъ крестьянъ происходило иногда благодаря сословному духу самихъ дворянъ и ихъ нерасположенію къ новымъ учреждениямъ. Напримѣръ, въ первомъ повознесенскомъ земскомъ собраніи большинство гласныхъ оказались крестьяне, но вовсе не отъ намѣреннаго желанія крестьянъ преобладать, а исключительно потому, что на выборы гласныхъ отъ землевладельцевъ не явилось ни одного дворянина. Всѣ эти факты ясно указываютъ, что обдѣленіе крестьянъ въ числѣ представителей не имѣло существенныхъ основаній и было рѣшительно не справедливо. Составители Положенія упустили изъ виду, что даже при количественной равноправности въ земскомъ представительствѣ крестьянъ и привилегированныхъ классовъ послѣдніе всегда будутъ имѣть перевѣсъ и большую силу за собой.

Сила крестьянства въ земскихъ учрежденияхъ сама собою умалилась тѣмъ, что оно никогда не могло противопоставить привилегированнымъ классамъ людей, однаково сильныхъ по знанію и развитію. Если бы сказанному прибавить, что вліяніе и вѣзденіе многочисленныхъ административныхъ властей: неправниковъ, посредниковъ, становыхъ, а также волостнаго начальства должно было дѣйствовать въ пользу помѣщичьяго класса, то мы поймемъ, почему обдѣленное въ самомъ разсчетѣ числа гласныхъ крестьянское сословіе должно было утратить чуть

не половину своего, по праву принадлежащаго ему представительства.

Чтобъ не возвращаться въ будущемъ къ вопросу о косвенномъ пачальственномъ вліяніи при крестьянскихъ выборахъ мы должны сказать, что это вліяніе практиковалось и будетъ практиковаться, пока не будутъ уважены настоятельныя ходатайства многихъ земствъ о недопущеніи къ выбору и воспрещеніи баллотировки въ земскіе гласные различныхъ должностныхъ лицъ въ волостныхъ правленіяхъ, а также о совершенномъ устраненіи неправниковъ, посредниковъ и т. п. пачальствующихъ лицъ отъ какого бы то ни было участія при выборахъ, даже еслибы это участіе выражалось однимъ присутствіемъ и контролемъ. Земскія ходатайства въ этомъ направленіи имѣютъ серьезныя, фактическія основанія. Не смотря на то, что множество проявленій пачальственного давленія на выборы, а иногда просто насилій, не доходятъ до печати, мы, просматривая журналы и газеты, постоянно натываемся на сообщенія приблизительно слѣдующаго характера: «При выборахъ мы были свидѣтелями такихъ печальныхъ сценъ, такихъ выходовъ и пріемовъ, которые отнимаютъ всякую возможность возлагать какія либо серьезныя надежды на будущіхъ земскихъ гласныхъ. Мы были свидѣтелями разныхъ интригъ, сплетенъ, застраиваній, допущенія на выборы лицъ, не имѣющихъ этого права, и тому подобныхъ пріемовъ, послѣ которыхъ неграмотная, занушенная масса избирать того, кого пожелаютъ власти. Дѣло доходить до того, что полицейскіе чины являются на избирательныя сѣзды и угрожаютъ избирателямъ ротою солдатъ. Мирные посредники при всѣхъ этихъ манипуляціяхъ играютъ главную роль. Составъ земскаго собранія этими средствами подбирается такой, какой требуется въ интересахъ лишь власти имѣющихъ».

Земскія собранія отлично знаютъ такого рода явленія и понимаютъ, на сколько эти послѣдніе роняютъ достоинство земства. Они безустанно ходатайствуютъ въ вышешолженномъ смыслѣ. Но не смотря на серьезность ходатайствъ этихъ, на ихъ принципиальную справедливость, не смотря на то, что они исходятъ отъ разныхъ земствъ и не умолкаютъ болѣе десяти лѣтъ, они все же остаются неудовлетворительными. Еще въ 1881 г. отклонены были ходатайства по этому же вопросу новгородскаго, горбатовскаго, смоленскаго и тверскаго земства. Правительствомъ, очевидно, не хочется сознаться въ неадекватности и недобросовѣстности своихъ собственныхъ, хотя бы и низшихъ агентовъ.

Ослабивъ несправедливымъ распределеніемъ количества гласныхъ между сословіями представительство наиболѣе многочисленной и наиболѣе заинтересованной въ дѣлахъ земскихъ учреждений части населенія и поставивъ выборы представителей ея подъ давленіе агентовъ администраціи, правительство въ то же время относителъ отрицательно ко всѣмъ стараніямъ земскихъ собраній къ очищенію и къ возвышенію ихъ личнаго состава.

Къ разряду земскихъ ходатайствъ, имѣвшихъ въ виду послѣднюю цѣль, нужно отнести вопросъ о недопущеніи въ собранія гласныхъ, за которыми числятся значи-

тельная недоимка по земскому сбору. Ходатайство это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ *): недоимки земскихъ сборовъ составляютъ одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ земскаго хозяйства: онѣ часто состоятъ за людьми богатыми, за крупными землевладѣльцами, имѣющими въ земскихъ собраніяхъ значительное вліяніе. Недоимки допускаютъ быть представителями земствъ такихъ людей, которые, не будучи ничѣмъ заинтересованы въ бережливомъ расходованіи земскихъ суммъ и въ установленіи налоговъ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ огромное вліяніе на дѣло; между тѣмъ только тотъ долженъ участвовать въ распоряженіи общественной кассой, кто участвуетъ въ ея составленіи, а сознание необходимости точнаго и аккуратнаго исполненія своихъ общественныхъ повинностей должно составлять одно изъ главныхъ качествъ общественнаго дѣятеля. Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе въ числѣ гласныхъ лицъ, состоящихъ должниками земства въ отношеніи платежа земскихъ повинностей, могло оказывать вліяніе на постановленія собранія, хотя бы по вопросу объ изысканіи понудительныхъ способовъ и мѣръ къ своевременной уплатѣ земскихъ повинностей. Ходатайство это было оставлено безъ послѣдствій, какъ другія такого же рода отъ разныхъ земствъ. Одно изъ позднѣйшихъ ходатайствъ по этому вопросу принадлежало лужскому земству, которое, не удовлетворившись отказомъ на него, снова вошло съ нимъ уже въ петербургское губернское собраніе, прося о повомъ представленіи этого ходатайства отъ имени губерніи. Владимірское собраніе также ходатайствовало въ 1880 году о недопущеніи къ выбору въ гласные землевладѣльцевъ, за которыми состоитъ недоимка въ размѣрѣ не менѣе годоваго оклада. Тогда же было возбуждено однородное ходатайство земствами: княгининскимъ (Нижегородской губерніи), скатеринславскимъ, костромскимъ, бринскимъ, шацкимъ. Всѣ они были отклонены правительствомъ. Последнее тѣмъ болѣе странно, что въ Городовомъ Положеніи, изданномъ послѣ земскаго и регулирующаго учрежденія совершенно аналогическія съ земскими и имѣющія съ послѣдними близкую связь, недоимки устранены отъ права быть гласными (ст. 17, п. 4). Ищите послѣ этого логики въ русскомъ законодательствѣ! Подобное же основаніе, т. е. желаніе оградить себя отъ всякихъ косвенныхъ вліяній, а тѣмъ болѣе отъ возможныхъ черезъ то злоупотребленій, послужило причиной ходатайствъ также многихъ земствъ о запрещеніи лицамъ, находящимся на службѣ земства, а также состоящимъ гласными, принимать на себя различные земскіе подряды, поставки и пр. Отдавая такимъ лицамъ земскіе подряды и поставки, управа, хотя и могла поступать совершенно справедливо и честно, но тѣмъ не менѣе это обстоятельство могло дать поводъ къ ложнымъ нареканіямъ и вообще дискредитировать земство. Постановленіе о ходатайствѣ о недопущеніи земскихъ гласныхъ къ торгамъ гороховецкое земство мотивировало еще тѣмъ, что постановленіями собра-

ній прежнихъ сессій гласнымъ вмѣнено въ обязанность присутствовать при производствѣ торговъ, а затѣмъ наблюдать за точнымъ и правильнымъ исполненіемъ принятыхъ подрядчиками обязанностей. Отклоненіе всѣхъ вышеказанныхъ ходатайствъ тѣмъ болѣе странно, что они не только не подрываютъ смысла Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, но скорѣе развиваютъ его. Кромѣ этого, по отношенію къ ходатайствамъ о недопущеніи въ гласные волостнаго начальства, а также лицъ, за которыми земству числятся недоимки, въ дѣйствіяхъ правительства мы видимъ положительное противорѣчіе. По разъясненію сената отъ 18 апрѣля 1866 года, члены управы и председатели, а также и гласные, оставшіе это званіе, какъ сказано, по собственному желанію (?), т. е., напримѣръ, выбравшіе въ мировые судьи, теряютъ уже право быть до новыхъ выборовъ губернскими и уѣздными гласными, между тѣмъ волостнымъ начальникамъ и судьямъ, точно также выборнымъ, это разрѣшено. Вышеупомянутое же устраненіе скорѣе всего должно бы было имѣть мѣсто по отношенію послѣднихъ. Волостныя начальства, какъ низшіе органы, подчиненные самымъ разнообразнымъ административнымъ органамъ, какъ, наконецъ, представляющіе гораздо меньшую степень развитія, по существу своему несомнѣнно представляютъ болѣе воспріимчивую почву для стороннихъ давленій и вліяній, чѣмъ независимые мировые судьи, получившіе высшее образованіе. Законъ распоряжается какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, и въ данномъ случаѣ какъ будто благопріятствуетъ крестьянскому, — а на самомъ дѣлѣ полицейскому элементу, передъ крупно-землевладѣльческимъ, — въ данномъ случаѣ воплію общественнымъ элементомъ. А между тѣмъ разрѣшеніе мировымъ судьямъ участвовать въ земскихъ собраніяхъ было бы чрезвычайно полезно и съ чисто дѣловой точки зрѣнія. Они, какъ живущіе въ центрахъ уѣздовъ, имѣющіе постоянное общеніе съ населеніемъ, больше другихъ могутъ быть знакомы съ его положеніемъ и нуждами. Въ этомъ направленіи даже проходили ходатайства. Курское земское собраніе, по случаю избранія одного гласнаго въ мировые судьи, ходатайствовало въ 1879 году, объ отмѣнѣ разъясненія въ указѣ правительствующаго сената отъ 18 апрѣля 1866 года за № 21.068, «устанавливающаго для земства такое стѣснительное правило, лишающее его весьма полезныхъ и опытныхъ дѣятелей безъ всякой видимой къ тому причины и необходимости». Ходатайство, разумѣется, отклонено. Въ какое положеніе ставить земскихъ представителей вышеуказанное, будто бы демократическое, преимущество, оказываемое сельскимъ должностнымъ лицамъ передъ мировыми судьями, видно будетъ изъ слѣдующаго: пріѣзжаетъ для присутствованія въ земскомъ собраніи смоленскій гласный Рогоновъ, въ то же время и членъ какого-то волостнаго правленія; тотчасъ же мѣстный исправникъ засаживаетъ его въ кутузку за какое то будто неправильное взиманіе налоговъ, — т. е. земскій гласный, выборный, за котораго отвѣчаетъ все общество, арестуется самовластно, безъ суда и слѣдствій, насмѣнымъ исправникомъ, живущимъ и существующимъ на средства то-

го же земства, въ которомъ этотъ гласный равноправно съ другими распоряжается земскими деньгами и другими отраслями обширнаго земскаго самоуправленія. По поводу этого факта смоленское земство постановило: 1) Ходатайствовать у смоленскаго губернатора о немедленномъ освобожденіи гласнаго Рогонова отъ ареста, наложеннаго на него въ административномъ порядкѣ и 2) ходатайствовать о томъ, чтобы губернскіе и уѣздные гласные, принадлежащіе къ крестьянскимъ сословіямъ и волостнымъ управленіямъ были освобождены отъ личныхъ взысканій единолично исправниковъ, а чтобы таковыя взысканія налагались не иначе, какъ по коллегіальнымъ постановленіямъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Первое ходатайство было уважено, т. е. гласный былъ освобожденъ изъ подъ ареста, второе же, само собою, кануло въ вѣчность. Что фактъ этотъ не единичный, это доказывается тѣмъ, что такое же ходатайство послѣдовало и отъ таврическаго земства. Само собою, что и послѣднее имѣло какія нибудь фактическія основанія для возбужденія такого ходатайства. Таврическое земство постановило: въ виду того, что многіе старшины и старосты волостныхъ собраній состоятъ гласными, ходатайствовать, чтобы гласные земскихъ собраній все время этихъ собраній не подвергались личному задержанію административнымъ порядкомъ. Ходатайство это тоже осталось безъ послѣдствій.

Чтобы закончить изображеніе крупнѣйшихъ изъ крючковъ, какими бюрократія старалась не только отдалить составъ земскихъ собраній отъ какого либо соответствія даже тому идеалу, какой былъ поставленъ въ общихъ формулахъ Положенія 1864 г., но и унижить значеніе земскихъ учреждений, — мы обратимся теперь къ крючкамъ, результатомъ которыхъ должны были быть примѣры невозможности открытія или продолженія земскихъ собраній, по отсутствію законнаго числа наличныхъ гласныхъ. Извѣстно, что примѣры эти весьма многочисленны, — и часто, особенно въ послѣдніе годы, когда въ офиціозныхъ кругахъ появились толки о полномъ упраздненіи даже реформъ прошлаго царствованія, — примѣры эти эксплуатируются противъ земскихъ учреждений.

Конечно, причины неоткрытія или закрытія земскихъ собраній, — по большей части губернскихъ, — вслѣдствіе отсутствія достаточнаго числа гласныхъ, довольно разнообразны и между ними играетъ важную роль и охлажденіе общества къ земскому дѣлу, воплію понятное при тѣхъ условіяхъ, въ какія бюрократія его поставила. Но есть и другія причины, совершенно прямо порожденные тою же бюрократіей. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ фактическое устраненіе крестьянскихъ гласныхъ изъ губернскихъ земскихъ собраній посредствомъ циркуляра отъ 30 мая 1866 г. Этотъ циркуляръ говоритъ, что въ смѣты земскихъ повинностей не долженъ быть вносимъ никакаго расходъ въ пользу земскихъ гласныхъ. Компетентные земскіе гласные говорятъ, что, еслибы этотъ законъ не существовалъ или былъ бы отмѣненъ, еслибы земскимъ собраніямъ было дано право опредѣлять гласнымъ суточные и проѣздныя деньги, тогда можно бы было съ

*) Рязанское земское собраніе.

увѣренностью сказать, что собраніе всегда состоится. Хорошо разбѣзжать богатымъ людямъ, но каково крестьянину, челоѣку не рѣдко бѣдному, ѣхать иногда за сотню и болѣе верстъ, на двѣ-три пѣшли, оставлять свое хозяйство? Сколько пшбудъ знакомому съ экономическимъ положеніемъ и ходомъ хозяйства нашихъ крестьянъ, пѣтъ нужды и рассказывать о томъ, какъ тяжела для крестьянина такая пѣздка.

Впрочемъ, къ упомянутому закону 30 малъ есть добавленіе, въ которомъ говорится, что общество, избравшее отъ себя гласнаго можетъ опредѣлить ему пособіе. Слѣдовательно все зависить отъ общества и гласные вовсе не лишены слѣдуемой помощи. Но объ этомъ добавленіи не знаешь, что и сказать, чего въ немъ больше, глупости, невѣжества или крайней безцеремонности въ обращеніи съ общественнымъ сознаниемъ. Дѣло въ томъ, что гласные выбираютъ не обществами, а съѣздами выборныхъ отъ разныхъ обществъ и, являясь гласными, они служатъ представительствомъ этихъ многихъ обществъ. Между тѣмъ съѣздамъ избирательнымъ положительно воспрещено дѣлать какія бы то ни было постановленія, а тѣмъ болѣе расходы, да впрочемъ съѣзды для расходовъ и суммъ не имѣютъ. Тутъ, извольте понять, слѣдовательно, гласному предоставляется право объѣздить общества, отъ которыхъ присутствовалъ на съѣздѣ выборные и, поклонившись въ ноги, просить, не будетъ ли вашей милости на расходы. Другаго средства не остается. Въ частности обществу, выборнымъ котораго онъ явился на избирательный съѣздъ, а не въ земское собраніе, пѣтъ никакого резона принимать общій расходъ прямо на себя. Спрашивается, зачѣмъ же сдѣлано приведенное выше добавленіе?!

Обращаясь снова къ вопросу о неяскахъ законнаго числа гласныхъ на собранія, мы должны сказать, что явленіе это въ значительной степени зависить также и отъ крайне ограниченаго во многихъ земствахъ числа гласныхъ. Оять такъ, какими основаніями руководились составители Положенія при сочиненіи вѣдомости о числѣ гласныхъ по разнымъ земствамъ, —мы не можемъ понять, такъ какъ это число по разнымъ губерніямъ не соотвѣтствуетъ ни ихъ пространству, ни населенію.

Слѣдующая таблица вполне докажетъ это:

Названіе губерній.	Число губ. глас. уѣздн. гласн.	Число уѣздн. гласн.	Пространство кв. в. вер.	Число жителей
Полтавская	100	627	43,844	2,102,614
Вятская	35	333	134,538	2,406,024
Орловская	88	539	41,059	1,596,881
Тульская	72	379	27,210	1,167,878
Херсонская	78	386	62,637	1,596,809
Пермская	51	302	291,872	2,198,666

Если же просматривать частныя распределенія числа гласныхъ по уѣздамъ, то зачастую приходится наталкиваться на такіе несообразности, что для двухъ уѣздовъ одной и той же губерніи съ одинаковымъ населеніемъ и пространствомъ, можно встѣпить въ одномъ число гласныхъ 70—80 челоѣкъ—въ другомъ же 12—14. Понятно, что, увеличивъ число гласныхъ въ пѣкоторыхъ отдѣльных мѣстностяхъ до нужнаго количества, но соображеніямъ самихъ земствъ, и въ то же время уменьшивъ чрезмѣрное число ($\frac{2}{3}$) необходимое для дѣйствительности собранія,

число фактовъ неосуществившихся или преждевременно закрытыхъ собраній уменьшается само собой. Двѣнадцать или даже четырнадцать гласныхъ для уѣзда чрезвычайно мало и недостаточно. Законное число гласныхъ, при которомъ можетъ состояться засѣданіе, $\frac{2}{3}$ всѣхъ гласныхъ, слѣдовательно, не явится только 3 гласныхъ—и собраніе не состоится. Подобное же обстоятельство всегда и вездѣ возможно, безъ всякихъ стороннихъ причинъ и вліяній, а дѣйствительно по независимымъ, что называется, обстоятельствамъ. Коротоякская (Воронежск. губерніи) управа въ докладѣ своемъ прямо говоритъ: «число гласныхъ уѣзднаго собранія только 12, между тѣмъ и по пространству и по населенности онъ не уступаетъ большинству уѣздовъ, въ которыхъ гласныхъ отъ 40 до 70 челоѣкъ. Стоить не прибыть 3 гласнымъ и оно можетъ не состояться; собраніе (вслѣдствіе циркуляра 13 февраля 1868 года) не вырѣвъ приглашать кандидатовъ, даже если гласные систематически уклоняются отъ посѣщенія собраній. Всѣ эти соображенія по порученію собранія были представлены воронежскому губернатору; пшпѣ полученъ отвѣтъ, что желаніе собранія не можетъ быть удовлетворено, какъ по силѣ циркуляра за № 28, такъ и въ виду того, что нельзя заранее опредѣлить, кто изъ гласныхъ явится въ собраніе и кто будетъ отсутствовать. Въ виду отклоненія ходатайства о назначеніи кандидатовъ къ исполненію обязанности явившихся гласныхъ, собраніе постановило ходатайствовать объ увеличеніи общаго числа гласныхъ (76 г.). Однородныя ходатайства были съ самаго начала земскихъ учрежденій отъ многихъ земствъ. Нѣкоторые даже, поставивъ въ невозможность правильнаго управленія земскаго дѣла по ограниченному числу гласныхъ, ходатайства свои возобновляли, какъ, напр., пшпсельбургское земство, но всѣ эти ходатайства, разумѣется, не имѣли послѣдствій. Между тѣмъ увеличеніе опредѣленнаго числа гласныхъ въ пѣкоторыхъ земствахъ, а также уменьшеніе нормы $\frac{2}{3}$ обязательнаго количества для дѣйствительности собраній или, при оставленіи этой нормы, допущеніе кандидатовъ не только не представляетъ затрудненій или какихъ либо принципиальныхъ несообразностей, но, представляясь рѣшительно необходимымъ для управленія земствами ихъ чисто дѣловыхъ обязанностей, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго политическимъ видамъ правительства. Чѣмъ же руководствуется послѣднее, отказывая земствамъ въ ихъ ходатайствахъ по этому вопросу, —какъ не рѣшительнымъ нежеланіемъ правильнаго хода земства и желаніемъ имѣть поводъ дискредитировать само же земство!?

3. С.

ПОЛЬСКИЙ ПРОЗЪКЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ.

Русская Имперія. Польскій взглядъ на русскіе государственные вопросы. Berlin. 1882.

Вопросъ о политической свободѣ и радикальномъ преобразованіи государственнаго строя въ Россіи до настоящаго времени былъ обсуждаемъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, только представителями болѣе или менѣе крайнихъ направленій въ

русскомъ обществѣ, начиная съ социалистовъ и кончая болѣе либеральными фракціями нашей земской оппозиціи. Наконецъ, въ послѣднее время реакціонныя успія правительства достигли того, что, заговорили о радикальныхъ реформахъ даже и наши настоящіе консерваторы. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересное и довольно поучительное явленіе представляетъ собой книга, заглавіе которой выписано нами выше. Будучи написана авторомъ, который самъ заявляетъ о себѣ, что онъ «польскій дворянинъ и русскій подданный», консервативнѣйшаго и лояльнѣйшаго образа мыслей, книга эта занимаетъ въ себѣ достаточно добросовѣстную и во многихъ отношеніяхъ вполне вѣрную и безопадную критику современнаго русскаго государственнаго строя и цѣльмъ, довольно подробно разобраннымъ, прозѣтъ преобразования этого строя на новыхъ, если не особенно демократическихъ, то, во всякомъ случаѣ, широко конституціонныхъ началахъ. Представляя собою «польскій взглядъ на русскіе государственные вопросы», книга эта интересна еще и въ томъ отношеніи, что авторъ ся, благодаря своей національности, не могъ пройти мимо тѣхъ вопросовъ, которые сплошь и рядомъ пропускаются авторами, принадлежащими къ господствующей въ Россіи національности, то просто по привычкѣ къ официально-бюрократическимъ воззрѣніямъ, то по той же привычкѣ, по подлѣ прикрываемъ космополитизма. Мы говорили о политической децентрализаци и о признаніи національныхъ правъ за каждымъ изъ народовъ, входящихъ въ составъ русской имперіи. Вообще же эта книга, являясь выраженіемъ консервативнаго конституціонализма на русской почвѣ, очень интересна еще и потому, что она показываетъ, хотя отчасти, тѣ принципы и стремленія, которыхъ нельзя не имѣть въ виду каждому, думающему о политическомъ переустройствѣ Россіи и съ которыми придется такъ или иначе считаться всѣмъ, надѣющимся на то, что, съ водвореніемъ политической свободы въ Россіи, откроется извѣстный просторъ для достиженія болѣе или менѣе радикальныхъ измѣненій и въ нашемъ социальномъ строѣ. Въ виду всего этого мы считаемъ полезнымъ дать нашимъ читателямъ по возможности полный отчетъ о содержаніи и тенденціяхъ этой, во всякомъ случаѣ очень серьезной книги.

Рѣшаясь говорить, «какъ подобаетъ, подданному вѣрному, но отважному», съ дѣломъ «спасенія общественнаго порядка», авторъ «польскаго взгляда на русскіе государственные вопросы» прежде всего констатируетъ господствующее въ нашемъ обществѣ «истинно-чувственное чувство неустойчивости и непрочности — обыкновенно бывающее предвѣстникомъ революціи», «упадокъ правъ общественныхъ и растленіе правъ частныхъ», паденіе авторитета существующей въ Россіи власти, вслѣдствіе того, что «власть эта сдѣлалась недостоинною и безсильною удерживать ея».

Разсматривая происхожденіе такого положенія дѣлъ исторически, авторъ, въ качествѣ польскаго дворянина, придаетъ особенно фатальное значеніе тому обстоятельству, что разными историческими причинами помѣшаны на разорванію въ Россіи такого феодальнаго